Прежде, нежели можно получить понятіе о выгодахъ Японской торговли, должно знать товары, изъ Японіи вывозимые, которые суть слѣдующіе: *сорочинское пшено*, *шелкъ* и *шерсть* въ дѣлѣ, *фарфоръ*, *лакированныя вещи*, *золото*, *серебро*, *мѣдь* въ дѣлѣ и слиткахъ, *желѣзо* и *сталь* не въ дѣлѣ, разныхъ рукъ *чай* неподмѣшенной, и притомъ чище и дороже Китайскаго, всякія *аптекарскія травы*, *коренья деревья*, *гуммы*, *алмазы*, *хорошій жемчугъ*, *кораллы* рѣдкія и хорошія *раковины*, которыя они даромъ давали до тѣхъ поръ, какъ Китайцы и Голландцы великою своею къ онымъ охотою цѣну оныхъ Японцамъ показали: наконецъ также *сѣрая амбра*. Сіи суть товары, которые Китайцы, Корейцы и Голландцы изъ Японіи вывозятъ.

Древнѣйшій торгъ есть Китайскій; Португальскій начался уже послѣ 1542, Голландскій послѣ 1598; Аглинскій послѣ 1613 годовъ. Въ самыя древнія времена Китайцы хотя имѣли сообщеніе съ Японцами; однакожъ торги свои отправляли они тайно; ибо по древнимъ узаконеніямъ Китайскаго государства жителямъ онаго запрещено было имѣть торги съ чужестранцами; но послѣ происшедшей отъ Татаръ въ 1644 году перемѣны въ Китайскомъ правительствѣ дозволено также Китайцамъ явно вывозить свои товары. И съ того времени распространили Китайцы свои торги и въ большемъ числѣ ѣздили въ Японію. Сначала все шло хороша

хорошо и они не только пріѣжжали къ гавани Осаккѣ, но также ѣздили и въ Нагасаки, получили дозволеніе построить тамъ три капища, и могли столько товаровъ вывозить, и ввозить сколько хотѣли. Но обстоятельства скоро перемѣнились. Езуиты, которые должны были изъ Японіи удалиться, нашли защиту въ Китаѣ. Они посылали на корабляхъ всякія книги Китайскими буквами напечатанныя, которыя касались до возстановленія христіанства: кораблей приходило изъ Китая въ Японію много и оные были наполнены людьми больше нежели было надобно; причемъ въ Нагасакѣ столько нашлось Китайцовъ, что изъ того принято подозрѣніе, не хотятъ ли они произвесть какого неспокойства или завоеванія сдѣлать. Чего ради Китайской торгъ въ 1635 году былъ ограниченъ на каждой годъ до 300 тысячь телей, то есть, до 450 тысячь рублевъ. Свыше сего количества не могли они продавать ничего. Число кораблей и людей было точно опредѣлено; и послѣ 1688 года пріѣжжающіе и торгующіе Китайцы, такъ какъ Голландцы принуждены были согласиться, чтобъ ихъ въ нѣкоторомъ не большомъ точно назначенномъ и тыномъ обнесенномъ мѣстѣ въ Нагасакѣ запирали и караулили.

Китайцы отъѣжжаютъ тотчасъ назадъ, какъ скоро продадутъ свои товары: но они должны пріѣжжать въ урченное время три раза въ годъ, и за свое пребываніе и стражу платить ежегодно по 1600 телей, или по 2400 рублевъ.

Они

Они привозятъ штофы, шолкъ, галмею, сахаръ, терпентинъ, мирру, благовонныя деревья, канфару и особливо гинзенгъ, весьма дорогой корень, такъ называемый *радихсь-хине*, то есть, Китайской корень и другіе лекарственные коренья изъ Татаріи. Китайцы должны платить пошлины по 60 со 100 и плату за всѣ свои товары должны получать не деньгами, но мѣдью недѣланною и другими Японской земли произведеніями, или привозными Голландскими товарами: Они также часто принуждены бываютъ по недостатку купцовъ часть своихъ товаровъ назадъ въ Китай отвозить. Въ семъ случаѣ Японскія суда тайно слѣдуютъ за ними и на морѣ съ прибылью производятъ запрещенной торгъ, утаевая пошлину. Но какъ скоро какого Японца хранители береговъ въ томъ поймаютъ; то онъ безъ всякаго милосердія распятъ будетъ. Кемферъ въ 6 лѣтъ начелъ болѣе трехъ сотъ человѣкъ такихъ несчастныхъ. И изъ сего можно легко видѣть, что Китайскій торгъ въ Японіи весьма ограниченъ и невесьма важенъ.

Какъ скоро три Португальскіе купца, отправившіеся моремъ изъ Сіама въ Китай, въ 1543 году по нещастію претерпѣли разбитіе корабля при берегахъ острова *Сайкохфа*, и наконецъ нашли случай войти въ гавань Королевства Бунго, слѣдовательно Европейцамъ прежде неизвѣстное государство открыть; то увѣдомили они своихъ одноземцовъ о томъ въ Гоѣ и

прия-

принято намѣреніе учредить торгъ въ Японію Остиндскими товарами. Сіе случилось въ способное время: ибо тогда Князьки острова *Сайхохфа* имѣли еще больше вольности; и всѣ приняли Португальцовъ съ великимъ желаніемъ и дружествомъ, и охотно дозволили имъ строить домы и селиться въ Нагасакѣ, которой тогда Омурскому Князю принадлежалъ. Португальцы какъ въ Гоѣ такъ и въ Макао имѣли свои магазейны, изъ которыхъ они сперва всякими бездѣлками Японцовъ снабдѣвали, но за то ежегодно болѣе трехъ сотъ бочекъ золота выручали и сей металлъ въ Макао, а оттуда въ Португалію отсылали. Сей ужасный прибытокъ привлекъ Португальцовъ распространять свои Японскіе торги. Они побрали за себя женъ изъ знатныхъ фамилій, дабы тѣмъ свою торговлю утвердить. Такимъ образомъ возрасталъ ихъ торгъ съ году на годъ; и въ самое то время, когда уже онъ къ своему паденію приближался, былъ еще онъ нарочитъ, не взирая на всѣ ограничиванія и притѣсненія; ибо въ послѣдніе три года въ 1636, 37 и 38 Португальцы вывезли изъ Японіи въ Португалію, восемь милионовъ, шесть сотъ двацать семь тысячь и восемдесять два рубли; хотя они въ послѣдній годъ, только съ тремя галіотами изъ Гои пришли. Какой ужасной прибытокъ, и какія великія суммы должны были они получить въ первые сорокъ лѣтъ, когда они имѣли троякую вольность: первое привозить въ Японію столько товаровъ, сколько они хотѣли; второе продавать оные

во

во всѣхъ провинціяхъ государства; третіе оцѣнку опымъ сами дѣлать. Сіи великія выгоды послѣ весьма ограничены и наконецъ совсемъ уничтожены. Какъ бы легко ни разсуждать о семъ дѣлѣ, то Португальцы были сами виною своего нещастія. Желаніе ввести христіанской законъ не было хулы достойно, но способъ какимъ сіе происходило былъ весьма подозрителенъ. Гордость миссіонеровъ, сребролюбіе Португальцовъ, презрѣніе оказываемое ими новообращеннымъ Принцамъ, которыхъ они по случаю ихъ обращенія, какъ бы подать платящими служителями почитали, наконецъ безчеловѣчіе и жестокость, которую они употребляли также противъ всѣхъ обратившихся и необратившихся Японцовъ, сдѣлали Португальцовъ ненавистными, а Японцовъ примѣчательными, которые тогда думали, что оной народъ хотѣлъ ихъ государство завоевать. *Тексама* въ 1586 году издалъ такой указъ, изъ котораго бы Португальцы могли узнать, чего имъ бояться и чего надѣяться должно было. Но они чрезъ сіе не сдѣлались осторожнѣе, и безвременная ревность къ закону дѣло еще больше испортила, а особливо съ того времени, какъ проповѣдникамъ вѣры наистрожайше запрещено было въ Японію пріѣжжать. Еще другое обстоятельство служило къ опроверженію Португальской торговли. Въ 1611 году Голландцы получили дозволеніе учредить въ Фирандо купеческую контору и тамъ торговать. Филиппъ III Король Ишпанскій, былъ тогда также Ко-

роль

роль Португальскій и непріятель Голландцамъ. Итакъ сіи оказывали Португальцамъ, какъ подданнымъ своего непріятеля, всевозможныя противности; а оба рода клеветали другъ на друга Японцамъ. Португальцы были въ 1635 году на островѣ Десимѣ подлѣ самаго города Нагасаки заперты, и ихъ торги весьма воспрепятствованы. Въ 1637 году строгимъ указомъ были они совсемъ и навсегда изъ государства выгнаны. Однако оной указъ не такъ скоро исполненъ былъ, но почти два года тѣмъ умедлено по причинѣ, что нѣкоторыхъ Португальскихъ товаровъ не могли и не хотѣли лишаться. Но какъ Голландская компанія въ Фирандо обѣщалась всѣ оные товары доставлять, то наконецъ въ 1639 году Португальцы вторично объявлены были государственными непріятелями, всѣ изъ онаго выгнаны, и притомъ угрожаемы были смертію, которые бы въ Японію пріѣхать осмѣлились. Въ 1640 году Директоры Португальской коммерціи въ Макао отправили къ Кубу посольство, состоящее въ 73 человѣкахъ. Какъ скоро сей корабль прибылъ въ Нагасаки, то былъ конфискованъ и посольство все осуждено на смерть и казнено. Только двенатцать служителей были назадъ въ Гою отосланы для объявленія, что естьли бъ и самъ Король Португальскій въ Японію прибылъ, то и его не лучше бъ приняли.

Когда Португальцы и въ тѣ годы, въ которые они столь жестоко гонимы и упѣ-

сняемы были, однакожъ могли вывесть изъ сего государства почти девять милiоновъ: то сколь великъ долженъ быть ихъ торгъ въ то время, когда они Японцамъ столь пріятны были?

Печальнѣйшее сего начáло имѣла Голландская торговля. Одинъ изъ Амстердама въ Индію назначенный корабль былъ въ 1598 году бурею на восточной берегъ Нипона выброшенъ, корабль былъ конфискованъ, люди въ темницу заключены, но имъ послѣ нѣкотораго времени вольность и грузъ корабля назадъ былъ отданъ, съ дозволенiемъ оный продать. Однако Японцы оцѣнили сiи товары и по сей оцѣнкѣ бѣдные Голландцы потеряли три процента изъ прямой цѣны своихъ товаровъ. Они съ терпѣнiемъ сносили сей уронъ, и чрезъ сiе такимъ образомъ вкрались, что имъ дозволено было опять пріѣжжать. Капитанъ Голландскаго корабля при отъѣздѣ своемъ оставилъ тутъ нѣсколько матросовъ и штирмана Вилгелма Адамса, природнаго Агличанина. Сей умѣлъ себя при дворѣ Куба *Жежассамы* извѣстнымъ сдѣлать и оказалъ Голландцамъ, какъ они въ 1609 году съ двумя кораблями въ Фирандскую гавань прибыли, великiя услуги. Для учиненiя досады ненавистнымъ Португальцамъ, Кубо далъ дозволенiе Голландцамъ торговать. Португальцы не щадили ни прозьбъ, ни денегъ, ни хитростей, дабы Голландцовъ выгнать; однако Кубо принялъ сiе столь худо, что Голландцамъ въ 1611 году

году далъ за печатью патентъ, по силѣ котораго они во всемъ государствѣ свободно торговать могли. Сей патентъ написанъ былъ такимъ начертаніемъ, которое употребляется только при оказаніи чрезвычайной милости къ кому нибудь, и когда какбы молча дозволяютъ оную милость еще далѣе распространять.

Сія Голландская торговля имѣла четыре періода:

1 Первый съ 1611 года до 1640 можетъ златымъ вѣкомъ назваться, въ которомъ Голландцы съ полною вольностію, безъ пошлины и по своей оцѣнкѣ своими и чужими товарами по всей Японіи торговали, и каждой годъ болѣе шести милліоновъ прибыли получали: выключая что имъ въ 1637 году запрещено было не дѣланную красную мѣдь вывозить.

2 Вторый періодъ не столь былъ щастливъ; въ 1641 году Голландцы должны были изъ Фирандо въ Нагасаки переѣхать. Они за три года предъ симъ построили въ Фирандо домы и между прочими одинъ большой каменной и по необыкновенному въ той землѣ образу высокой домъ, на верьху котораго они годъ Христовъ означили. Сего довольно было къ тому, чтобъ повелѣть оный домъ сломать, и Голландцовъ при Нагасаки въ островъ Дезиме тѣснѣе заключить. Однако и за сіе тѣсное и безпокойное жилище должны они были ежегодно по

5580 телей, то есть, по 8380 рублевъ платить. И сіе исполняли они безъ малѣйшаго роптанія. Лишили ихъ увольненія отъ пошлинъ, стали примѣчать въ ихъ торги, дали имъ въ услуги все присяжныхъ людей и пресѣкли имъ все обхожденіе съ Японцами. Приходящіе корабли были осматриваемы, обезоруживаемы и тому подобное. Однако они въ сей нещастливой годъ получили барыша на восемъ милліоновъ, и получили вольность, всѣ изъ своихъ товаровъ вырученныя деньги на красную мѣдь промѣнять и вывесть. У серебренаго торгу получили они барыша по 4, а у вывозу мѣди по 90 процентовъ на сто.

3 Съ 1666 года можно третій періодъ Голландскаго торгу сдѣлать. Первый министръ *Инаба-мино* велѣлъ сдѣлать для Куба серебряную лампаду. Какъ корабли изъ Голландіи пришли, и на оныхъ также подарки для Императора, и какъ Нагасакскіе осмотрщики оные переписали, то между прочими для Императора подарками попалась и сія лампада. И сею ошибкою *Инаба-мино* столько былъ не доволенъ, что онъ съ сего времени началъ помышлять о паденіи Голландцовъ. Онъ произвелъ своего родственника въ 1672 году въ Нагасакскіе губернаторы, которой совершенно наученъ былъ, какъ ему противъ Голландцовъ поступать должно было. Онъ приказалъ подать себѣ реестръ всѣмъ товарамъ, которые въ семъ году привезены и проданы быть имѣли,

ли. Потомъ онъ съ Японскими купцами оцѣнилъ всѣ статьи очень низко, и приказалъ, чтобъ Голландцы сіи товары или по положенной низкой цѣнѣ продавали, или бы отправили оные обратно въ Батавію и въ Европу. И такъ они должны были малымъ барышемъ удовольствоваться; но губернаторы каждой годъ цѣну унижали. Голландцы жаловались и были благополучно въ своихъ привилегіяхъ подтверждены. Но Инаба-мино не успокоился, пока Голландской торговлѣ смертной ударъ не былъ нанесенъ. Въ силу начальныхъ законовъ Японскаго государства Инаба-мино не могъ безъ опасности ничего явно сдѣлать противъ послѣдняго указа, которымъ привилегіи Голландцовъ утверждены были: ибо какбы великъ министръ въ Японіи ни былъ, однако долженъ онъ паче всѣхъ прочихъ Императорскія повелѣнія почитать и точно исполнять. Но онъ зналъ еще другое средство Голландцамъ чувствительніе вредить. Нагасакскіе губернаторы должны были съ величайшею умѣренностію Кубу представить слѣдующее: что честь народа и народный кредитъ всеконечно требуетъ, чтобъ Португальцамъ дозволить безпрепятственно пользоваться тѣмъ, что имъ прежніе Императоры дозволили; но что государственная польза не меньше требуетъ, чтобъ сіи привилегіи ограничить, дабы Голландцы не вывозили изъ государства ежегодно столь великія суммы къ величайшему впредь вреду онаго, и сами не набогащались бы, дѣ-

лая народъ отъ времени до времени бѣднѣйшимъ; чего ради должно имъ положить предѣлы и опредѣлить ежегодную сумму, на примѣръ по 300 тысячъ телей, которую бы они ежегодно за свои товары получать могли. А всѣ прочіе товары сверхъ сей суммы, чтобъ сохраняемы были до будущаго года въ магазейнахъ. Сіе предложеніе было принято, и притомъ тайно содержано до осени 1685 года.

4 Съ котораго времени четвертый періодъ Голландскаго торгу начинается. Какъ въ означенное время корабли пришли и привезенные товары оцѣнены были, то и новый указъ публикованъ былъ, которой Голландцамъ былъ точной громовой ударъ: ибо прежде сего имѣли они еще всегда нарочитую прибыль, понеже они при худой оцѣнкѣ всегда на неопредѣленную сумму товаровъ продавать могли; а теперь должны были при столь же худой оцѣнкѣ довольны быть столь малою суммою. Но дѣло не только при семъ осталось, но они должны были еще и пошлину по 15 процентовъ платить, и притомъ подвергнуть себя всѣмъ учрежденіямъ, осмотрамъ и карауламъ, и еще удовольствоваться тѣмъ, что въ нынѣшнія времена они ежегодно только около трехъ кораблей въ Японію отправляютъ, напротивъ чего они прежде по 7 и по 8 кораблей туда посылать могли.

При-

Привозъ Голландцовъ состоитъ въ слѣдующемъ: стекла, зеркала, шелкъ, сыръцъ, хлопчатая бумага, кожи, пенька, ртуть, бура, антимонія или сурьма, пряные коренья, мушкатные орѣхи, сахаръ, мскусъ или выхухоль, камфора, сандалъ, слоновое зубье, киноварь, квасцы, селитра и проч. отъ чего они великой прибытокъ получаютъ, и напротивъ того Японскія произведенія безпошлинно вывозятъ. То правда, что Голландцамъ многія худыя дѣла приписывали, которыми они якобы вольность Японскаго торгу снискивали и получили: но ихъ и не давно господинъ де Гаарень совершенно оправдалъ, и всѣ обвиненія довольно опровергнулъ.

Агличане также, болѣе нежели за сто пятьдесятъ лѣтъ, покушались торгъ въ Японію завести. Капитанъ Вилгелмъ Сарисъ, возвращающійся въ 1613 году съ однимъ кораблемъ изъ Малукскихъ острововъ, сталъ въ Фирандскомъ портѣ на якорь, и былъ помощію вышеупомянутаго одноземца своего Вилгелма Адамса хорошо принятъ, и по прозьбѣ своей получилъ дозволеніе учредить контору, и въ провинціяхъ Японскаго государства торговать; спустя нѣсколько времени отправился Сарисъ назадъ въ Англію съ письмами отъ Куба къ Лондонскому двору, оставя Кавалера Рихарда Кокка въ Японіи, для отправленія переписки и торговъ Британскаго народа.

Безъ сомнѣнія плачевныя междоусобныя въ Англіи войны были причиною, что сіе учрежденіе было пренебрежено, и самая Аглинская контора опять уничтожена. Въ 1673 голу показался Аглинской корабль предъ Нагасакскою гаванью, причемъ весьма точно распрашивали Капитана и его екипажъ, и хотя оный ссылался на данную Агличанамъ привилегію, на ихъ прежнюю контору въ Фирандо, на письма Куба и Его Великобританскаго Величества, и о вбзобновленіи торговли просилъ; однакожъ не могъ своего намѣренія достигнуть. Спрашивали у него: имѣетъ ли Португалія миръ съ Великобританіею; правда ли то, что Король совокупился бракомъ съ Португальскою Принцессою; которые вопросы конечно Голландцы губернаторамъ предложили. Капитанъ долженъ былъ для избѣжанія большей опасности отвѣтствовать по справедливости, и тогда услышать рѣшеніе, что Японской Императоръ не можетъ подданнымъ того Князя, которой женился на дочери величайшаго непріятеля Японскаго народа, ни пребыванія въ своемъ государствѣ и никакого торгу дозволить: чего ради Капитанъ и съ нимъ пріѣхавшіе, ѣхали бъ тотчасъ назадъ и ни одинъ Агличанинъ подъ смертною казнію, чтобъ не смѣлъ въ Японію пріѣхать. Все, что Капитанъ получить могъ, состояло въ дозволеніи ожидать способнаго вѣтра, и за привезенные съ собою товары запастись потребными припасами: ибо и сіе также было уже великая Японская милость въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ какихъ оной Капитанъ, его

екипажъ

екипажъ и корабль находились. При отъѣздѣ спрашивалъ Капитанъ: не будетъ ли позволено хотя послѣ кончины сей Принцессы, Короля его супруги, опять пріѣхать; но получилъ въ отвѣтъ, что Императорскія повелѣнія подобны тому, которой вышедши изъ тѣла, никогда опять въ оное не возвращается.

Въ Франціи Министръ Колбертъ въ 1666 году также покушался открыть торгъ въ Японію. Онъ употребилъ къ тому извѣстнаго человѣка, Карономъ называемаго, которой при Голландской компаніи въ Японіи Директоромъ былъ, въ Японскомъ языкѣ и нравахъ совершенно силенъ; но притомъ своенравную и безпокойную голову имѣлъ и отъ Голландской службы уволенъ былъ. Карронъ въ упомянутомъ году поѣхалъ изъ Франціи съ пространною и весьма хитро сочиненною инструкціею. Но всѣ сіи острыя намѣренія и соединенныя съ оными расходы не принесли никакого плода: ибо Карронъ по долговременномъ мореплаваніи претерпѣлъ разбитіе корабля и не прибылъ въ Японію, а еще меньше назадъ во Францію.

Сіи обстоятельства вмѣстѣ взятыя, и еще и въ нынѣшнія времена продолжающаяся неловѣрность Японцовъ противъ всѣхъ чужестранцовъ, особливо противъ Европейцовъ, не польстятъ уповательно никакого государства, чтобъ предпріять новыя покушенія для Японской торговли.

Въ общемъ свойствѣ Японцовъ находятся *добродѣтели* и пороки. Говорятъ, что Японцы остроумны и понятнѣе всѣхъ восточныхъ народовъ, во всякомъ обращеніи справедливы, непріятели обмановъ и лжи, прилѣжны, трудолюбивы, любители чтенія, скромны, учтивы, въ обхожденіи гораздо пріятнѣе Китайцовъ, не болкливы, малымъ довольны, терпѣливы и непріятели пьянства и лакомства.

Но сіи добродѣтели другими всенародными жъ *пороками* затмѣваются: ибо Японецъ гордъ, мстителенъ, въ войнѣ безчеловѣченъ, неимѣющій любви и милосердія къ бѣднымъ и нещастнымъ людямъ, которыхъ онъ за предметъ ненависти и проклятія боговъ почитаетъ. Словомъ: въ Японскомъ народѣ, такъ какъ и во всѣхъ другихъ, находятся добрые и худые люди, однакожъ думаютъ, что у нихъ больше добрыхъ нежели худыхъ.

Трудолюбіе и умѣренность сохраняетъ Японцовъ отъ многихъ *болѣзней*, и большую часть оныхъ до здоровой и глубокой старости доводятъ. Подагра, каменная болѣзнь и другія въ Индіи размножившіяся болѣзни, въ Японіи необыкновенны; но оспа, діарреа и сильныя кровотеченія тѣмъ обыкновеннѣе, моровая язва часто свирѣпствуетъ, также находится въ нѣкоторыхъ провинціяхъ столь сильная проказа, которая отъ времени до времени мясо и составы проѣдаетъ; но главная болѣзнь, которою Японцы

ды и чужестранные мучимы бываютъ, есть колика и совсемъ особливой родъ оныя, которой они *сенки* называютъ. Сія есть епидемическая или заразительная болѣзнь, соединенная съ корченіемъ членовъ и великою болью, отъ которой у страждущихъ оною по долгомъ мученіи остается опухоль на разныхъ частяхъ тѣла, особливожъ на яйцахъ у мущинъ, и на дѣтородныхъ удахъ у женщинъ, гдѣ дѣлаются желваки и чирьи, также обыкновенно и волосы вылиниваютъ.

Врачи и лекари, которые въ Японіи суть незнающіе болтуны и астрологи, лечатъ сенки особливымъ образомъ: они говорятъ, что сія свирѣпая болѣзнь происходитъ отъ неосторожнаго употребленія напитка *Сахи*, то есть, изъ сорочинскаго пшена сдѣланнаго вина, помалу тѣло крѣпкими соками наполняющаго, которое дрожаніе членовъ, и опухоль нестерпимую причиняетъ. Сіи припадки должны излечаемы быть вытягиваніемъ сихъ худыхъ соковъ. А сіе вытягиваніе должно учинено быть прокалываніемъ гвоздя или иглы. Причемъ самое искусство состоитъ въ двухъ вещахъ. Вопервыхъ найти мѣсто или пятно, гдѣ худые соки находятся; вовторыхъ разсудить, какъ глубоко иглу запустить должно въ кожу. Первое обыкновенно находятъ врачи между пупомъ и желудочною ямкою. Второе рѣшатъ они также скоро; ибо они обыкновенно запускаютъ иглу въ кожу глубиною на полдюйма. А при чрезвычайной

ной боли на цѣлой дюймъ, но съ великою осторожностію и такъ, чтобъ только девять скважинъ въ три ряда сдѣлать такимъ образомъ : : : все сіе дѣлается съ превеликою точностію. Иглы для сего дѣлаютъ изъ самаго чистаго золота, или изъ самаго жъ чистаго серебра, крайне тонкія, чисто полированныя и острыя. Никакой художникъ не можетъ такихъ инструментовъ продавать безъ особливой привилегіи Императорской. Сдѣлавши скважинки, лекарь выжимаетъ по своему мнѣнію ядовитые соки пальцами. Кемферъ, которой самъ былъ искусной врачь, объявляетъ, что онъ самъ многія такія операціи въ Японіи видѣлъ, и что чрезъ то больные отъ своей болѣзни свободились. Они употребляютъ также въ сей и другихъ болѣзняхъ разныхъ членовъ выжигающее лекарство съ Индѣйскою моксою, которую они или на страждущій членъ, или возлѣ него обыкновенно на спинѣ кладутъ и зажигаютъ. Но естьли нѣтъ моксы, то берутъ и хлопчатую бумагу, дѣлаютъ изъ оной пирамидку, зажигаютъ оную и даютъ ей помалу сгорѣть. Сіе выжигающее лекарство столь употребительно, что большая часть Японцовъ имѣютъ брюхо и спину наполненную рубцами и выжженными пятнами, что какъ сказываютъ, ежели они платье скинутъ, какъ то въ жары случается и спину оголятъ, отвратительной видъ дѣлаетъ.

Пусканіе *крови* не употребительно; тѣмъ обыкновеннѣе употребленіе *цѣлительныхъ водъ*, какъ

какъ *теплыхъ*, такъ и *холодныхъ*, которыхъ обоихъ родовъ множество находится. Японскіе больные могутъ холодной воды пить сколько захотятъ, а здоровые люди должны всегда теплую воду пить. Лекарства кислы и солоны; по большей части употребляютъ они хину и гинзенъ.

Но при всѣхъ болѣзняхъ и пользованіяхъ хвастаютъ *врачи* и *лекари* весьма своею астрологіею и хвалятся, что имъ однимъ съ выключеніемъ всѣхъ другихъ народовъ сіе извѣстно таинство, какъ узнавать свойство, опасность и продолженіе болѣзни изъ щупанія пулса. Они также утверждаютъ, будто многія болѣзни волшебствомъ и другими суевѣрными средствами вылечиваютъ. Словомъ: врачи и лекари въ Японіи не имѣютъ никакой теоріи и утѣшаются тѣмъ, что будто сіе также есть и у нѣкоторыхъ другихъ народовъ.

Печальные и погребательные обряды въ Японіи по большей части особливые и суевѣрные. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ дѣлаютъ больному тотчасъ послѣ его смерти осмотръ приказнымъ порядкомъ, естественною ли онъ смертію умеръ, не имѣетъ ли онъ какихъ знаковъ насилія или христіанства на своемъ тѣлѣ. Печальной цвѣтъ, также какъ и въ Китаѣ, бѣлой, обыкновенно носятъ трауръ два года и удерживаются отъ всякаго веселія.

Печаль-

Печальныя одежды у мущинъ и у женщинъ одинакія и состоятъ: 1) изъ кафтана толстаго холста безъ подкладки, которой надѣваютъ на другія одежды и широкимъ толстымъ поясомъ укрѣпляютъ, 2) изъ печальной шапки, сдѣланной какъ широкая повязка изъ толстаго жъ холста, у которой назади виситъ долгая полоса на подобіе флера. Каждая секта Японскаго закона имѣетъ немногіе отличные погребательные обряды; а впрочемъ по большой части они всѣ согласны.

Кладбища находятся внѣ городовъ и деревень: бѣдныхъ и подлыхъ людей погребаютъ, а богатыхъ и знатныхъ сожигаютъ. При погребеніи бѣдныхъ мало дѣлаютъ церемоній, однако зажигаютъ не много гумми или благовоннаго дерева, осаживаютъ могилу благовонными травами и опускаютъ въ могилу съ мертвымъ что нибудь для его употребленія на томъ мѣстѣ. Къ погребенію должно просить Бонзовъ и родственниковъ и первымъ дать плату, а послѣднихъ угостить.

Японцы думаютъ, что ихъ умершіе, всѣ вещи, которыя имъ отъ времени до времени дарятъ на томъ свѣтѣ исправно получаютъ. Нѣкоторыя секты думаютъ, что души умершихъ не тотчасъ по смерти шѣля на мѣсто блаженства приходятъ, но чрезъ долгое время по воздуху летаютъ, и между тѣмъ каждый годъ одинъ разъ къ своимъ пріятелямъ возвра-

вращаются. Изъ сего чуднаго мнѣнія произошло празднество, 13 дня седмаго мѣсяца отправляемое, которое можно бы назвать угощеніемъ духовъ, естьли бъ тѣла живыхъ больше пользы не имѣли отъ сего угощенія. Съ великою церемоніею выходятъ изъ городовъ и деревень на встрѣчу духамъ, разговариваютъ съ ними наиучтивѣйшимъ образомъ, и просятъ ихъ въ гости; на другой день каждой угощаетъ своихъ гостей хорошо и великолѣпно по своей возможности, улицы бываютъ иллуминованы и всякъ веселится съ своими гостьми. На третей день обыскиваютъ всѣ углы домовъ, бьютъ палками по стѣнамъ, бросаютъ каменья на кровли, дабы сихъ гостей прогнать, чтобъ ни одинъ изъ духовъ не остался, и чрезъ свои явленія не былъ въ тягость живымъ и оныхъ бы не устрашалъ.

Похороны знатнымъ людямъ становятся дорого и провождающихъ обыкновенно бываетъ великое число. Напередъ въ долгомъ порядкѣ несутъ множество женъ въ Норимонахъ или носилкахъ, которыхъ провожаетъ великое множество невольницъ. Потомъ идутъ знатнѣйшіе родственники мужескаго пола въ самыхъ лучшихъ одеждахъ, какія у нихъ есть. Въ дальномъ разстояніи слѣдуетъ настоятель Бонцовъ въ Норимонѣ и богато одѣтой, за которымъ обыкновенно слѣдуютъ пѣшкомъ 200 Бонцовъ въ долгихъ черныхъ и волочащихся епанчахъ. Одинъ безпрестанно бьетъ въ мѣдной тазъ, а другіе поютъ похвалу идолу *Амиду*. За Бонцами

цами идутъ всякіе люди, которые на долгихъ и тонкихъ палкахъ несутъ тополевыя и цвѣтами наполненныя корзинки, которыя они часто качаютъ. Какъ скоро цвѣты выпадутъ, то смотрители производятъ великой крикъ и взываютъ, что умершій благополучно достигъ до мѣста блаженныхъ. Въ маломъ разстояніи слѣдуютъ восемь молодыхъ Бонцовъ съ обращенными внизъ малыми знаменами, на которыхъ написано имя знатнѣйшаго идола той секты, которой былъ умершій. Два другіе Бонца въ сѣрыхъ одеждахъ несутъ горящіе факелы, а другіе десять на долгихъ шестахъ фонари изъ чистаго полотна. Потомъ идетъ великое множество людей въ короткихъ сѣрыхъ одеждахъ и въ малыхъ треугольныхъ подъ бороду подвязанныхъ шляпахъ изъ черной лоснящейся кожи, на которыхъ также какъ на фонаряхъ и знаменахъ имя идола написано. Наконецъ слѣдуетъ тѣло въ богатомъ Норимонѣ, въ которомъ умершій сидитъ на своихъ пяткахъ съ непокрытымъ лицемъ и съ сложенными на груди вмѣстѣ руками на подобіе молящагося. Сверхъ своихъ одеждъ имѣетъ онъ еще бумажной кафтанъ, на которомъ написаны начальныя правила Японскаго закона и другіе тайные знаки, какъ будто для препорученія или одобренія въ будущемъ свѣтѣ. Естьли послѣ умершаго остались дѣти, то они будучи великолѣпно одѣты провожаютъ носилки, и младшій изъ нихъ несетъ горящій факелъ. Когда сіе шествіе придетъ къ костру, которой изъ благовоннаго дерева, гум-

ми

ми и кореньевъ состоитъ, то 20 или 30 Бонцовъ поднимаютъ носилки съ умершимъ тѣломъ. Потомъ говорятъ рѣчь въ честь умершему. Бонцы молятъ и поютъ пѣснь. Настоятель Бонцовъ обходитъ три раза съ горящимъ факеломъ около костра, которой потомъ Бонцы зажигаютъ. Послѣ чего родственники и друзья бросаютъ въ огонь всякіе подарки, какъ то: одежды, пищу, оружіе, цвѣты и пр. въ той надеждѣ, что сіи вещи въ будущемъ свѣтѣ умершему будутъ полезны. Естьли умершій былъ великой господинъ, Князь или Король, то 10, 20 или больше благородныхъ юношей или служителей его дому, которыхъ онъ наибольше любилъ, взрѣзываютъ сами себѣ брюхо, которыхъ тушке на костеръ бросаютъ, дабы они своему господину на томъ свѣтѣ служили. По окончаніи всѣхъ сихъ церемоній все собраніе угощается великолѣпнымъ столомъ, при которомъ однако ни сыновья, ни другіе родственники не находятся: ибо сіи между тѣмъ платятъ Бонцамъ погребальные росходы. Сіи Бонцы такожъ охотно принимаютъ на себя стараніе о пересылкѣ исправной всѣхъ подарковъ, которые отъ времени до времени родственники умершему посылаютъ. Спустя одинъ день по сожженіи родственники приходятъ вмѣстѣ для собиранія пепела и костей, кладутъ оныя въ позолоченную урну или кубышку, повелѣваютъ Бонцелею надъ оными семь дней молиться, и переносятъ ихъ тогда, или въ гробницу фамиліи къ урнамъ предковъ ихъ, или ставятъ ихъ въ

новое для того построенное зданіе. При всякой урнѣ вѣшаютъ умершаго знаки чести и родословную, и послѣ семи мѣсяцовъ, а потомъ послѣ семи лѣтъ большая часть погребательныхъ обрядовъ повторяется. При сихъ торжествахъ родственники обоего пола находятся съ великимъ благоговеніемъ: Бонцы поютъ безпрестанно и дѣлаютъ въ колокола, въ тазы, въ барабаны и въ другіе музыкальные инструменты ужасной шумъ и стукъ, которой еще противнѣйшимъ дѣлается отъ крика печальнаго собранія.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

О УЧЕНОСТИ ЯПОНЦОВЪ

* * *

Тѣ, которые разумѣли Асійскіе языки, и которые могли ихъ сравнивать между собою, какъ на примѣръ миссіонеры, КемферЪ и другіе, утверждаютъ, что *Японской языкъ* не токмо различенъ отъ Китайскаго, но и совсемъ особенной, или по крайней мѣрѣ составляетъ нѣкоторой родъ Татарскаго языка. Выговоръ его гораздо мужественнѣе Китайскаго, и имѣетъ многосложныя а часто и весьма долгія слова. Онъ правиленъ, красивъ, изобиленъ и заключаетъ въ себѣ множество словъ и реченій подобнаго знаменованія; на немъ говорить можно о высокихъ и низкихъ вещахъ пріятно и важно.

Въ древнія времена Японцы имѣли собственные свои *знаки* или *буквы*, *Коммонъ* называемые, которые они въ письмѣ употребляли; но ученые сіи знаки отмѣнили и приняли вмѣсто ихъ Китайскіе, думая, что точнѣе и удобнѣе свои слова выражать можно Китайскими знаками, нежели старыми Японскими. Между буквами жъ обоихъ народовъ находится великое различіе: ибо Японцы употребляютъ акценты,

то есть, ударенія или силы и другіе соединительные и раздѣлительные знаки, къ которымъ они такъ привыкли, что ежели и самыя Китайскія книги перепечатываютъ, то силы и всѣ прочіе знаки прибавляютъ въ оныхъ; ибо они безъ того сихъ книгъ ни читать, ни разумѣть не могутъ.

Японцы также какъ и Китайцы *пишутъ столбиками* сверху внизъ и съ правой руки къ лѣвой. Употребляемыя ими въ письмѣ кисточки, чернило и бумага мало различествуютъ отъ Китайскихъ. Они любятъ чистое и хорошее письмо; почему и пріобучаютъ къ тому дѣтей своихъ съ великимъ стараніемъ, дабы оныя съ малыхъ лѣтъ привыкали писать не токмо чисто, но и скоро.

Сіе весьма похвально, равно какъ и то, что они дѣтей своихъ учатъ на *природномъ языкѣ* говорить чисто и ясно. У нихъ почитается за великой стыдъ, естьли кто читаетъ худо и говоритъ противъ свойства языка. Руководствуютъ же они къ тому дѣтей своихъ добромъ и ласкою, а упрямыхъ стыдомъ; для того, что чувствованіе чести и стыда дѣйствуетъ въ нихъ весьма сильно. Послѣ того дѣтей своихъ обучаютъ *Исторіи* своего *отечества*, которую со всѣми ея баснями любятъ всѣ чрезвычайно и упражняются въ ней съ охотою. *Закону* дѣтей своихъ учатъ по сектамъ, къ какимъ принадлежатъ они сами. Естьли жъ разсудить о сихъ

со-

сектахъ такъ, какъ они извѣстны: то легко представить себѣ можно, что нравоученіе, содержащееся въ оныхъ, для дѣтей не очень великаго стоитъ. Но въ семъ пунктѣ Японцы оставляютъ свои секты, а слѣдуютъ больше природному разсудку, и нравоученіе свое выводятъ изъ Исторіи своего отечества; изъ хорошихъ и худыхъ примѣровъ своихъ предковъ; изъ благополучныхъ и нещастливыхъ перемѣнъ своего государства; и такое нравоученіе при всякомъ случаѣ въ своихъ дѣтей вперяютъ со всевозможною чувствительностію.

Прочія жъ науки и художества, въ которыхъ юношество упражняется, составляютъ *Живопись*, *Музыку*, *Стихотворство* и *Краснорѣчіе*: и всѣмъ симъ исчисленнымъ наукамъ не токмо отроковъ, но и дѣвицъ обучаютъ съ великимъ стараніемъ. Послѣднимъ служитъ то къ особенной чести, естьли онѣ въ уединеніи, въ которомъ по тамошнему обыкновенію жить должны, бываютъ непраздны, но при своихъ рукодѣліяхъ упражняются также и въ вещахъ къ очищенію вкуса и просвѣщенію разума служащихъ.

Наилучшіе описатели путешествій почитаютъ Японцовъ за такихъ людей, которые передъ всѣми Асійскими народами къ наукамъ и художествамъ имѣютъ преимущественную природную способность. Естьли жъ всѣ извѣстія о

Японіи снести, и между собою сравнить: то окажется, что Японцы прежде прибытія къ нимъ миссіонеровъ, Португальцовъ и Голландцовъ погружены были еще въ бо́льшемъ невѣжествѣ, нежели Китайцы. А какъ оба сіи народа при всякомъ случаѣ стараются, сколько возможно, доказать глубокую свою древность: то и сіе у нихъ общее, что они съ самыхъ древнихъ временъ приписываютъ себѣ изобрѣтеніе всѣхъ рукодѣлій, наукъ и художествъ.

Сколь велико самолюбіе и тщеславіе Японцовъ, столь мало было ихъ знаніе прежде прибытія къ нимъ Португальцовъ. Тогда они весь свѣтъ раздѣляли только на три части: на *Японское*, *Китайское* и *Сіамское государства*, а о прочихъ земляхъ нашего шара совсемъ не имѣли никакого познанія. Они приписываютъ себѣ изобрѣтеніе пороха и книжнаго тиснѣнія, и говорятъ, что оба сіи искусства въ употребленіи у нихъ были съ непостижимой древности. Тожъ самое говорятъ о себѣ Китайцы, и о двухъ сихъ изобрѣтеніяхъ между обоими народами происходятъ ужасные споры. Но какъ Японцы въ Артиллеріи уступаютъ Китайцамъ, то напротивъ того превосходятъ они ихъ въ печатномъ искусствѣ.

Оба народа печатаютъ *рѣзными досками*, а не такъ какъ Европейцы *отжимными буквами*: Японскія до́ски вырѣзаны чище, чернило и бумага ихъ лучше, да и вся связь въ буквахъ иску-

искуснѣе и пріятнѣе Китайской. Такое различіе признаютъ знатоки и въ *Живописѣ* обоихъ народовъ. Японцы имѣютъ самыя превосходныя краски, свѣтъ и тѣнь на картинахъ прокладываютъ искуснѣе Китайцовъ, цвѣты и животныхъ пишутъ не худо, но недостаточны въ абрисѣ или рисункѣ, въ перспективѣ и расположеніи картины. Не можно ихъ сравнивать съ нашими Европейскими живописцами; да и пишутъ они только на бумагѣ: но не смотря на то хорошія свои картины продаютъ очень дорого. Впрочемъ о Живописи Японцовъ не должно разсуждать по ихъ живописнымъ бумажкамъ, чрезъ Голландцовъ въ Европу приходящимъ, которыя гораздо посредственной или послѣдней работы. Но кто въ Европѣ за большую и самую хорошую живописную Японскую бумагу дастъ нѣсколько тысячь червонцовъ? поскольку однакожъ Японскіе богачи не рѣдко платятъ. Европейцамъ извѣстнѣе *лаковая* ихъ *работа*, которая въ преимуществѣ не уступаетъ Китайской, и вообще оба народа своею работою доказываютъ великое искусство въ составѣ и добротѣ лака, въ абрисѣ же и перспективѣ напротивъ того крайнее невѣжество.

До *Музыки*, какъ *покальной*, такъ *инструментальной* Японцы великіе охотники. Они играютъ на флейтахъ, арфахъ, органахъ, трометахъ, барабанахъ, бубнахъ, на куранткахъ и мѣдныхъ тазахъ разнаго тона. Но инструмен-

тальная ихъ музыка составляетъ громкой только и противной звукъ, да и вокальная столь же непріятна, какъ и Китайская; потому что они только кричатъ горломъ, а голосомъ своимъ нѣжно управлять не могутъ.

Въ *Краснорѣчіи*, какъ сказываютъ, сильны особливо ихъ Бонцы. Католицкіе миссіонеры, которые впрочемъ немного похвальнаго о Бонцахъ писали, свидѣтельствуютъ, что они сами живали слушать ихъ проповѣди, которыя не токмо сочинены были съ хорошимъ вкусомъ Краснорѣчія, но и говорены притомъ съ такимъ выраженіемъ и столь сильнымъ искусствомъ тѣлодвиженія, что они слушателей приводили чрезъ то въ великую чувствительность, и такъ сердца ихъ трогали, что оные часто ручьями проливали слезы.

Равнымъ образомъ похвалится и *Поезія* Японцовъ, особливо *театральная*. *Комедіи* и *трагедіи* ихъ, такъ какъ и наши раздѣлены на дѣйствія и явленія. Украшенія ихъ театровъ великолѣпны, и представляемой матеріи всегда соотвѣтствуютъ. *Прологи* ихъ предъувѣдомляютъ зрителей о содержаніи наступающаго представленія. Между дѣйствіями бываютъ *балеты*. Вообще веселыя и печальныя ихъ представленія заключаютъ въ себѣ много нравоучительнаго. Содержаніе же ихъ трагедій берется всегда изъ знаменитыхъ дѣлъ ихъ героевъ, или изъ житія ихъ святыхъ. Они имѣютъ

ютъ великое множество театральныхъ сочиненій. Кемферъ упоминаетъ о собраніи Японскаго стихотворства, которое на ихъ языкѣ называется *Факу-нин-исиу*, то есть, *стихотворствомъ ста Пiитъ*, которые жили при дворѣ Даировомъ. Въ древнія времена Японцы къ стихотворцамъ имѣли чрезмѣрное почтеніе; потому что оные въ молодыхъ и старыхъ людей вперяли хорошія мысли и самое нравоученіе дѣлали приятнымъ, и какбы оживляли. Чистота и правильность Японскаго языка также приписываются Пiитамъ, и Японцы думаютъ, что отъ приведенія въ совершенство Поезіи и просаическіе писатели много успѣли и учинились способными писать обо всѣхъ родахъ извѣстной въ Японіи учености.

Да и дѣйствительно имѣютъ они многихъ *сочинителей*, которые писали не токмо о сектахъ ихъ закона, но также о приключеніяхъ своего отечества и натуральной Исторіи о травахъ, древахъ, птицахъ, минералахъ, о земледѣліи, краснорѣчіи и о прочемъ. Кемферъ и другіе знатоки Японскихъ книгъ, яко нѣчто особенное примѣчаютъ то, что между толь великимъ ихъ множествомъ нѣтъ ни одной книги Юристической. Но Кемферъ и самъ тому неудивляется, а паче утверждаетъ, что Японскіе законы и указы, которые обыкновенно не токмо по всѣмъ городамъ и деревнямъ, но и по всѣмъ публичнымъ дорогамъ прибиты, сочинены весьма коротко, и въ малыхъ сло-

вахъ толь ясны, что ни малѣйшаго изъясненія не требуютъ: толковать же ихъ въ разныя стороны запрещено тамъ подъ смертною казнію.

Не должно думать, будтобы всѣ вышепомянутыя и другія части учености въ Японію введены миссіонерами, которые не очень за то принимались, но имѣли другія предпріятія. Причемъ и у Японцовъ, еще прежде прибытія оныхъ, были *большія* и *малыя школы*. Францискъ Ксаверій, сей толь славный миссіонеръ, пріѣхавъ въ Японію, около города Міака засталъ четыре большія училища, и въ каждомъ изъ оныхъ до четырехъ тысячь учениковъ. Въ прочихъ провинціяхъ сего государства такихъ училищъ, чаятельно, находится еще больше; ибо нѣтъ тамъ недостатка ни въ иждивеніи, ни въ учителяхъ, ни въ хорошихъ мѣстоположеніяхъ, ни въ прочихъ потребностяхъ и книгахъ.

Учители по бо́льшей части изъ духовныхъ особъ, какъ то Бонцы, монахи и жрецы изо всѣхъ сектъ. Отъ чего и произойти не можетъ инаго, какъ то, что сіи разномыслящіе люди, ежедневно другъ другу противорѣча, и всякъ свою секту защищая упорно, учащихся збиваютъ больше, нежели утверждаютъ въ своемъ законѣ: почему теологическое сіе училище, въ которомъ учащіеся упражняются въ однихъ мозрительствахъ, и у самихъ Японцовъ

цовъ не въ большомъ почтеніи: да и можно ли отъ такихъ суевѣрныхъ и съ предразсужденіями принятыхъ людей ожидать какихъ успѣховъ въ толь высокомъ знаніи, каково есть теологическое.

Миссіонеры въ своихъ письмахъ Японцовъ представляютъ нарочитыми Философами, искусными Фисиками и хорошими Математиками: но приводимые ими на то доводы не доказываютъ ихъ утвержденія. Шарльвоа, которой Езуитамъ, братіи своей, иначе не противорѣчитъ, однакожъ въ семъ пунктѣ съ миссіонерами не соглашается, и показываетъ, что Японцы какъ въ *Философіи* вообще, такъ въ *Фисикѣ* и особливо въ *Математикѣ* ужѣ и послѣ временъ миссіонеровъ не много успѣли. Въ *Астрономіи* они только суевѣрные предсказатели будущаго по небеснымъ свѣтиламъ, которые много врутъ о силѣ звѣздъ, утверждая, будто бы оныя содѣйствуютъ дѣламъ человѣческимъ. Двенатцать знаковъ зодіака имѣютъ у нихъ слѣдующія названія: 1 *мышь*, 2 *тѣлець*, 3 *тигръ*, 4 *заецъ*, 5 *драконъ*, 6 *змѣй*, 7 *лошадь*, 8 *баранъ*, 9 *обезьяна*, 10 *курица*, 11 *собака* и 12 *свинья*. Опытъ *географическаго* ихъ *знанія* показали мы не давно передъ симъ; оказали жъ Японцы въ ономъ нѣкоторые успѣхи ужѣ послѣ сообщенія съ Португальцами и Голландцами, и сочинили *ландкарты* островамъ своимъ и землямъ, которыя, хотя и чудной видъ имѣютъ, однакожъ Голландцамъ служили къ лучшему познанію Японскихъ земель

земель. Въ *счетѣ* Японцы весьма искусны, считаютъ же они большія суммы не цифрами, а на счетахъ, подобныхъ нашимъ.

Какъ нѣтъ у Японцовъ никакого уложенія, такожъ и *законовъ* у нихъ вообще не много, и во всемъ зависятъ отъ воли своихъ Государей: то и въ судахъ своихъ не имѣютъ они никакой другой Юриспруденціи, кромѣ воли и указовъ Монаршихъ; и ежели оные рѣшимому дѣлу ясно и точно не соотвѣтствуютъ; то въ такомъ случаѣ рѣшатъ дѣла здравымъ разсудкомъ, которой служитъ у нихъ вмѣсто всѣхъ юристическихъ книгъ. Португальцы и Голландцы о Японцахъ не весьма похвально отзываются, не токмо въ разсужденіи малаго числа ихъ законовъ, но и въ разсужденіи строгости и жестокости оныхъ. Что до малаго числа ихъ законовъ касается, то Кемферъ почитаетъ Японцовъ тѣмъ еще щастливыми; жестокость же оныхъ выводить должно изъ смутныхъ временъ, въ которыя бунты и междоусобныя войны, чрезъ цѣлые вѣки продолжавшіяся, Японское государство бѣдственно опустошали; и такимъ образомъ сперва Даировъ, а потомъ и Кубовъ понудили къ возстановленію и сохраненію покоя и тишины въ своемъ государствѣ, и къ утвержденію самодержавства издать строжайшіе законы. Когда же примѣчено было, что сіи строгія средства къ достиженію желаннаго конца дѣйствительны были и полезны, то изданные единожды строгіе сіи указы оставлены потомъ и навсегда

всегда въ своей силѣ. Сія строгость отвращаетъ много зла, и неминуемыми и скорыми казнями заставляетъ какъ главныхъ и нижныхъ правителей, такъ всякаго подданнаго исправнымъ быть въ своемъ званіи и должности: потому что у преступниковъ отнята вся надежда къ милости.

Въ частяхъ *Медицины* не многаго ожидать можно отъ такого народа, которой никакой не имѣетъ теоріи, да и имѣть оной не можетъ. Самая ихъ религія препятствуетъ достигнуть въ томъ до нѣкоторой основательности. Въ *Анатоміи* упражняться имъ не можно, потому что убивать звѣрей не дозволяютъ положительные ихъ секты уставы, и по тѣмъ же самымъ безъ осквернения себя не льзя прикасаться къ мертвому тѣлу; слѣдственно всѣ Анатомическія наблюденія запрещены; почему Японцы и знаются невѣждами въ оной, а только помощію рисунковъ (*) и достигаютъ нѣкотораго понятія о внѣшнихъ и внутреннихъ частяхъ человѣческаго тѣла. Но они тѣмъ искуснѣе въ *Ботаникѣ*; въ сей наукѣ упражняются ихъ Князья, вельможи и простой народъ. Всякаго состоянія люди разводятъ собственные сады для ращенія и собиранія аптекарскихъ травъ и другихъ

(*) Такіе рисунки изъ Кемферова наслѣдства купилъ славной Ганъ-Слоанъ въ преждебывшей свой кабинетъ.

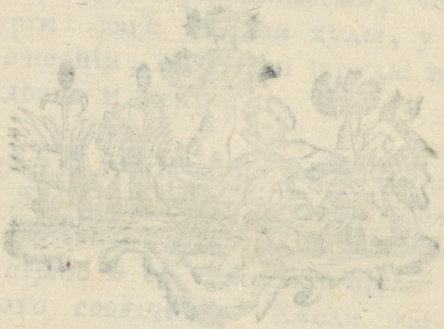
гихъ простыхъ лекарствъ изъ царства растѣній. Они имѣютъ не токмо живые травники, но также и книги объ оныхъ, въ которыхъ описаны названія травъ и растѣній, различительные ихъ знаки, сила и употребленіе. Кемферъ изъ Японіи въ Германію вывезъ такое собраніе, *Кинмодсуи* называемое и раздѣленное на восемь книгъ, которое по смерти его купилъ покойной Гансъ-Сло-анъ, и сею рѣдкостію умножилъ дорогой свой кабинетъ. Равнымъ образомъ не много добраго сказать можно о теоретической и практической Медицинѣ Японцовъ; тѣмъ менѣе выхвалять ихъ *Медикопъ* и *Хирургопъ*, которые Астрологіи, Магіи и многимъ другимъ суевѣрнымъ леченіямъ приписывая великую силу не мало на нихъ полагаются: однакожъ, по объявленію наилучшихъ описателей путешествій, Японцамъ отдать должно ту справедливость, что Медики и Хирурги, какъ они ни худы, у нихъ въ великомъ почтеніи, и за свои труды награждаются порядочно и щедро.

Кемферъ и другіе при заключеніи своихъ извѣстій о Японіи дѣлали вопросъ: *полезно ли то Японскому государству, что оно со всѣхъ сторонъ заперто и съ чужестранцами не имѣетъ никакого сообщенія?* Ежели мы разсмотримъ мѣстоположеніе Японскаго государства, его долговременное пребываніе, правителей его, законы, нравы, многолюдство и другія политическія обстоятельства, то можемъ мы *подтвердить* сей вопросъ; и сіе подтвержденіе доказать

зать изъ неперемѣняемаго почти состоянія сего государства. Естьли жъ взоръ свой обратимъ на просвѣщеніе разума, искорененіе предразсужденій, поправленіе и распространеніе наукъ и художествъ, очищеніе вкуса и нравовъ: то по справедливости должны мы *отвѣтствовать иначе* и признаться; что сей, впрочемъ хорошей бы, народъ самъ себѣ заключилъ врата къ истиннѣ и чистой добродѣтели. Сколь бѣдны были бъ люди, ежели бы всѣ государства въ свѣтѣ были въ подобномъ сему состояніи!

КОНЕЦЪ.

ЦЕНТРАЛНА НАУЧНА БИБЛИОТЕКА ХИУ Инв. № 252279



ЦНБ ХНУ ім. В. Н. Каразіна
2011 р.